

*Для тебя, мама.
Я скучаю по тебе, ты в каждом моем вдохе,
в каждом многоточии...*

ГЛАВА 1

Наш вид покрыт шрамами с именами тех, кого мы ранили своей магией, чтобы служить предупреждением другим: держитесь на расстоянии. Но у каждого правила есть исключение — это касается и нас. Только хитрость может скрыть их истинный облик, но за это приходится платить.

— Гримуар женицин Холлоуэлл

Шестнадцать дней до Хэллоуина

В первый раз, когда Матильда проглотила пчелу, все прошло не очень хорошо. Она запаниковала, что заставило пчелу запаниковать в ответ, и язык Матильды распух, как рыба фугу, и, конечно, такое невозможно было скрыть от матери. Бабушке пришлось тайком дать ей отвар гамамелиса и алоэ вера для полоскания горла, что и вернуло языку нормальный размер.

Утреннее солнце просачивалось сквозь голые ветви, разбрасывая пятна света по земле цвета предрасветных сумерек. Матильда оглянулась через плечо, затем снова посмотрела на улей. Она была не в настроении

танцевать с пчелами после их бесцеремонного нападения, но ей нужна была их королева.

Бабушка Матильды посещала ульи раз в неделю, чтобы рассказать пчелам о происходящем в семейном доме, — ритуал, в котором Матильда все еще не разобралась, учитывая, что ее бабушка последние три года почти не разговаривала. Тем не менее Нанна Мэй пробиралась сквозь деревья к ульям каждое пятничное утро, чтобы отдать дань уважения пчелам и держать их в курсе последних событий. Матильде всегда было интересно: жужжали ли они ей в ответ или молчали, как сейчас.

Сама того не осознавая, Матильда скользнула пальцами по корявым буквам на своем лице, прослеживая имена каждой души, которую она исказила, каждого человека, которого она сломала. Она отдернула руку. «Еще один ничего не изменит», — подумала она про себя.

Ее глаза осмотрели искривленную землю в поисках того, ради чего она пришла сюда. В нескольких метрах от нее кустилась крапива двудомная, или крапива жгучая, как ее называют те, кого не таскают в лес, чтобы выучить латинские названия каждого растения, на которые приходилось смотреть каждый день школьных каникул. Скука. Матильда стянула шерстяные перчатки, наклонилась и погладила крапиву обеими руками, морщась, пока стебельки терлись о ее кожу. На мгновение ей стало больно, но это было ничто по сравнению с тем, что армия внутри улья сделает с ней, как только почувствует угрозу. Укус крапивы жужжал над ее руками, как невидимое силовое поле. Кому нужны эти защитные перчатки, когда тебя учили, что любой

сорняк в лесу может быть полезным, а твои пальцы время от времени скручивает от магии?

Ожог пополз по рукам, Матильда вздохнула и закрыла глаза. Когда она сунула голову в распростертые объятия крапивы, вороны пронзительно закричали, приветствуя рассвет, и запрыгали на ветвях серебристой березы, толкая друг друга, чтобы лучше разглядеть ведьму за работой. Матильда подняла глаза и нахмурилась, морщась от боли, обжегшей ее лоб.

— Ш-ш-ш! — шикнула она на птиц.

Визг прекратился, и черно-белая тень спикировала с деревьев. Матильда наблюдала, как сорока копошится в сорняках. Ее прибытие приносило печаль тем, кто в ней нуждался. Матильда приветствовала одинокую птицу благодарным кивком: то, что другие считали суевериями, ее учили воспринимать как подарки; традиционные предзнаменования смерти — прекрасная основа для озорства. Ее лицо горело. Матильда подошла к отверстию в дереве — по-прежнему ничего, кроме густой тишины, просачивающейся из скрытых сот.

Она потянулась внутрь ствола дерева, кончиками пальцев коснулась армии, намеревающейся защитить своего драгоценного лидера. Трюк с крапивой, однако, сработал, и она не почувствовала ни одного из крошечных укусов, когда пчелы атаковали ее руки и устремились к ней как крошечные ракеты напрасной смерти. Матильда отмахнулась от них, пока пальцами пыталась найти королеву, и тишина улья превратилась в вой ужаса.

— Вот ты где, — сказала Матильда, и улыбка, такая же сладкая, как мед, который пчелы никогда бы не сделали, скользнула по ее лицу.

Она уверенно отошла, стряхивая настойчивых пчел, а затем подняла руку перед глазами: черно-желтая кра­савица боролась между большим и указательным паль­цами. Матильда поднесла свой приз к губам и поцело­вала ее, осторожно, чтобы избежать колючего жала, за­тем бросила пчелу в рот и проглотила, принимая огонь, который последовал за ней в горло.

Ее техника глотания пчел, безусловно, улучшилась с первого раза.

Утренний свет изменился даже за время короткой прогулки от улья до кухни. Матильда просунула голову в приоткрытую дверь, нырнув под ветку бузины, ко­торую повесила там бабушка, чтобы нечистая сила не проникла через заднюю дверь. Огонь мерцал в объяти­ях очага, значит, бабушка Мэй где-то рядом. Ее жизнь вращалась вокруг поддержания света огня, чтобы их предки могли найти дорогу, если им это понадобится. А густой аромат молотого кофе и мимозы означал, что ее мать только что была здесь. У Матильды заурчало в животе, когда она заметила пушистый купол хлеба, лежащий на поцарапанном кухонном столе.

— Сладко, — прошептала она.

Матильда открыла дверь и шагнула внутрь, направ­ляясь прямо к буханке. Ее отец перед отъездом сделал кучу всего, чтобы жизнь в доме стала удобнее, но ба­бушка не разрешала ему прикасаться к кухне, только позволила поставить холодильник. Свет исходил из окон и висячих фонарей, а тепло источала огромная

плита, которая вместе с открытым огнем делала кухню самым теплым местом в течение всего года.

Когда девушка отрезала корку от хлеба, задняя дверь со скрипом открылась, Матильда обернулась и моргнула, увидев посетителя, выглядывающего из-за открытой двери.

— Откуда ты взялся, Виктор? — спросила Матильда, протягивая руку.

Крошечный козлик моргнул своими золотыми глазами и уставился на Матильду. Его передние копыта застыли в «первой позиции», пока он наблюдал, как Матильда разбрасывает хлебные крошки по всему кухонному столу. Виктор склонил голову набок и легкой рысцой направился на кухню, пока не оказался у ног Матильды.

— Вот, держи, — она почесала его подбородок, затем намазала джемом кусок хлеба и отдала его козлику, — кто самый очаровательный мальчик на планете?

— Думала, я ушла?

Мать Матильды, Лотти, спустилась по неровным ступенькам на кухню. Ее белый персидский кот Нимбус крался за ней, как будто она была хозяйкой этого места. Лотти покачала головой и указала пальцем с идеальным маникюром на Виктора, затем на заднюю дверь.

— Я знаю, что ты любишь его, но тебе известны правила, — сказала Лотти, хватая совок и щетку с крючка рядом с пучком лаванды, — посмотри на пол, Матильда. Он везде разбросал крошки.

Матильда скрестила руки на груди и смотрела, как ее мать присела на корточки, чтобы все собрать. Один

только вид матери заставлял ее желудок закипать от раздражения. Лотти не могла находиться в метре от Матильды, не создавая какого-то конфликта. Если бы она пришла на пять минут позже, козлик все равно съел бы все до последней крошки.

Лотти посмотрела на Матильду из-под нахмуренных бровей, типичное выражение ее лица, когда она разговаривала с дочерью.

— Тилли? Что я только что сказала? — Матильда фыркнула, наклонилась к Виктору, раздраженная тем, что мама назвала ее детским именем.

— Тебе лучше обратиться отсюда, пока ты не превратился в тушеное мясо.

Она провела руками по пушистой морде и поцеловала его в макушку, прежде чем козлик выбежал прочь.

— Почему он не может быть здесь? — спросила Матильда, поворачиваясь к матери. — Нанна Мэй все время держит Джинни в доме.

— Птица приучена к дому, а этот глупый козел — нет, — сказала Лотти, бросая крошки в раковину.

Матильда нахмурилась, наблюдая, как Лотти стряхивает несуществующие крошки с отвратительного черного пончо, которое было на ней. Мама как будто оделась так, чтобы позлить Матильду.

Вспышка красного и коричневого ворвалась в кухню и метнулась в открытые окна, демонстрируя, насколько свободна она в доме. Малиновка трижды облетела комнату, затем приземлилась на плечо своей хозяйки, когда та, шаркая, вошла через заднюю дверь и направилась прямо к Матильде.

Матильда напряглась, избегая взгляда молочных глаз Нанны Мэй, в которых светилась мудрость. Свои волосы, как всегда, бабушка заколола на макушке гладким белым узлом, а длинная юбка и кардиган волочились по полу, их цвета были из той же палитры, что и у малиновки.

Она остановилась перед Матильдой. Если бы девушка встала, она бы возвышалась над старухой, но Нанна Мэй не чувствовала себя маленькой, когда та находилась рядом с ней. Она обхватила скрюченными пальцами запястье Матильды и подняла руку так, что та оказалась у нее под носом. Нанна Мэй уставилась на нее, качая головой при виде сердитых красных бугорков, покрывавших кожу Матильды. Девушка отстранилась, и Нанна Мэй медленно подошла к камину. Ей потребовалась целая вечность, чтобы опуститься на трехногий табурет перед ним. Она взяла железную кочергу, посмотрела на мать Матильды, затем повернулась к огню, горевшему у ее ног.

— Это?.. — мать подошла к Матильде, схватила ее за обе руки и нахмурилась, глядя на них, — это крапива ужалила? Ты была в улье, Матильда? Ходила за королевой? Опять?

— Нет, — сердито сказала Матильда, оттолкнула руку матери и встала.

— Не лги мне, юная леди! Что у тебя на уме на этот раз? Я полагаю — ничего хорошего?

— А ты разве поверила бы мне, если бы я сказала, что это так и есть?

— Ну что, так и есть? Скажи мне, ты сотворила заклинание, чтобы улучшить свою концентрацию? Или,

может быть, один из твоих одноклассников нездоров? Или, может, ты благословляешь этот дом?

Матильда закатила глаза. Зачем ей тратить свое время на магию, чтобы помогать людям, которые ее игнорируют, когда вместо этого она могла заставить их медленно терять волосы? Матильда ухмыльнулась, вспомнив, как взбесилась Лорен Макфадден, расчесывая пряди волос перед зеркалом в школе.

— Ради всего святого, Матильда, ты вообще меня слушаешь? Сколько раз? — ее мать открыла шкафчик и достала маленькую зеленую бутылочку, затем наклонилась над раковиной и выдернула листья из маленьких горшочков, стоявших на подоконнике. Раздражение можно было услышать в каждом слове ее лекции, и оно росло с каждой сорванной травинкой, — сколько раз я должна повторять это тебе? Нельзя использовать смерть в магии. Будь то человек или пчела, мы уважаем жизнь. Ты бы поняла это гораздо лучше, если бы стала частью ковена. Тебе почти семнадцать...

— Я никого не убивала. Технически. Она все еще жива, — быстро сказала Матильда, меняя тему разговора. Снова.

— И что же это на этот раз? — сказала Лотти, перемалывая листья в мраморной ступке, — главная роль в школьном спектакле? Или пришло время обзавестись новым лучшим другом? Кто-то осмелился скопировать твою стрижку? Какая мелочь может заставить тебя беспокоить этих существ в середине осени? Это же очень простое правило: никогда не использовать магию, чтобы причинить боль другому, физическую или моральную, если ты не хочешь,

чтобы имя жертвы превратилось в шрам на твоём лице.

— Но мы можем скрыть наши шрамы, — Матильда пожала плечами, — так почему бы не повеселиться с магией?

Последние три года Матильда собирала имена тех, кому причинила боль своей магией, словно это стало её хобби. Было забавно придумывать творческие способы причинить боль или принести несчастье своим врагам, или просто быть популярной в течение нескольких недель. В отличие от других ведьм, Матильда могла совершать плохие поступки, но всегда оставалась чистой. Во всяком случае, чистой в глазах других.

Лотти поджала губы и покачала головой:

— Именно поэтому ты недостаточно взрослая для этого заклинания.

Плечи Матильды поникли, она была готова к еженедельной лекции.

— Наша родословная была благословлена даром скрывать наши шрамы, чтобы мы жили без осуждения в меняющемся мире, чтобы дать ведьмам второй шанс, а не для того, чтобы ты могла использовать магию, проклиная своих одноклассников по любой прихоти. Твой отец не имел права давать тебе это заклинание, ты явно недостаточно взрослая для этого.

— Приятно знать, что ты думаешь обо мне, — сказала Матильда, скрестив руки на груди.

— Ты не оставляешь мне выбора думать по-другому! Все дело в равновесии: ты делаешь добро, вселенная это видит; ты делаешь зло, это написано у тебя на лице, видим мы это или нет.